

Поллидович Ю.Б., Величко Е.А.

Пластинки с изображением фигуры юноши из скифских комплексов

В статье анализируются пластинки с изображением юноши в позе коленопреклонённого бега, известные по находкам в курганах скифского времени. Высказывается предположение, что на них воспроизведён образ скифского божества, конкретизация которого пока затруднительна.

Ключевые слова: скифы, пластина-апликация, Куль-Оба, Аполлон, Веретрагна.

Среди многочисленных золотых аппликаций, использовавшихся для декорирования одежды, особое место занимают небольшие пластины овальной формы, на которых воспроизведена фигура обнажённого юноши в позе «коленопреклонённого бега». Они найдены в трёх погребальных комплексах: курганы 2-й Семибратний, № 5 у с. Архангельская Слобода и Куль-Оба ¹. Ещё 2 пластины неясного происхождения хранятся в коллекциях Одесского археологического музея и Музея исторических драгоценностей Украины – филиала Национального музея истории Украины.

Это пластины с рельефным изображением фигуры обнажённого юноши в позе «коленопреклонённого бега». Юноша как бы присел на левое колено, правая нога вынесена вперёд. Его голова и нижняя часть туловища изображены в профиль, а торс развёрнут на три четверти влево. Руки согнуты в локтях, правая поднята вверх, кисть обращена к лицу, левая отведена назад и опущена. Черты лица переданы схематично, хорошо проработаны волосы. Рельефно показаны мышцы на руках, торсе и ногах.

Несмотря на общую иконографию и манеру передачи деталей, все варианты пластин, тем не менее, имеют и свои индивидуальные черты.

Изображение на ажурных пластинах из 2-го Семибратнего кургана (Прикубанье) имеет свои очень яркие особенности [Артамонов 1966, с. 66, табл. 110] (рис. 1, 1). Лицо более тщательно проработано, выделяется миндалевидный выпуклый глаз и сложная причёска. Пропорции фигуры

---

¹ М.И. Ростовцев [1925, с. 448] и Н.А. Онайко [1970, с. 47, 106] ошибочно упоминают находки подобных пластин в кургане у с. Верхний Рогачик (см. об этом: [Алексеев, 1984, с. 66; Бабенко, 2015, с. 68, 70, 74]).

более вытянутые. В руках находятся какие-то предметы: в левой – округлый, в правой – вытянутый, сливающийся с пальцами.

Пластинки из кургана № 5 у с. Архангельская Слобода (Нижнее Поднепровье) [Лесков, 1974, ил. 45; Лесков, 1981, с. 140, рис. 25, 13; Грѣбкова, 2009, с. 108, рис. 3, 3] (рис. 2, 9) имеют выраженную овальную форму. Черты лица переданы более схематично, с прямым носом, круглым глазом и намеченным ртом. Волосы показаны прямыми прядями. Очертания тела юноши более объёмные, обозначены мышцы. В левой руке показан какой-то конусовидный предмет. Талию юноши опоясывают поперечные линии, количество и расположение которых различается на разных пластинах, что говорит о том, что они были проработаны уже после оттиска основного изображения на матрице. Такие же углублённые линии на некоторых пластинах есть и на волосах. Они как бы имитируют повязку, перехватывающую волосы.

Из кургана Куль-Оба (Крым) происходят пластины двух типов, ныне хранящиеся в собраниях Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург), Государственного исторического музея (г. Москва) и Британского музея (г. Лондон) [Дюбрюкс, 2010б, рис. 306; Артамонов, 1966, табл. 220; Копейкина, 1986, с. 52-53, 153, кат. № 23; Журавлёв, Новикова, Шемаханская, 2014, с. 66-71, кат. 14-15, 63, 77; Marshall, 1911, pl. 40, 2105, 2106] (рис. 2, 1-3, 5-7).

На пластинах первого типа (рис. 2, 1-3), имеющих форму обобщённой фигуры с выступающей головой, представлено относительно реалистичное и чётко проработанное изображение. Фигура юноши атлетическая, с хорошо проработанной рельефной мускулатурой. Черты лица выразительные: короткий прямой нос, глаз с выделенной над ним бровью, губы, ухо. Волосы короткие, вьющиеся. В руках показаны какие-то удлинённые предметы. Форма пластин в целом повторяет контур фигуры юноши. Почти аналогичная пластина хранится в Одесском археологическом музее (рис. 2, 4), поступившая туда как находка в одном из курганов возле Пантикапея [Одесский археологический музей, 1983, с. 67, 175, кат. № 123]. Полное стилистическое соответствие позволяет говорить о том, что данная пластина также происходит из Куль-Обы [Журавлёв, Новикова, Шемаханская, 2014, с. 16].

Куль-обинские пластины второго типа более близки к пластинам из Архангельской Слободы, но изображения на них выполнены ещё более условно. Черты лица (прямой нос, круглый глаз и намеченный рот) переданы очень схематично. Волосы обозначены прямыми короткими развевающимися прядями. Обе ладони изображены с растопыренными

пальцами. Пластина из МИДУ – филиала НМИУ, происходящая из **коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко**² [Ханенко, Ханенко, 1907, с. 16, кат. 531, табл. V, 531; Грѣбкова, 2011, с. 126, рис. 5, д], по основным своим особенностям почти полностью соответствует пластинам второго типа из Куль-Обы (рис. 2, 8), что позволило предположить её происхождение также из данного комплекса [Величко, Полидович, 2018, с. 141-142, 150].

Хронологические рамки бытования пластин с изображением фигуры юноши определяются составом комплексов, в которых они найдены.

Курган № 2 относится к старшей группе Семибратних курганов, датируемых в пределах середины – второй половины V в. до н.э. [Коровина, 1957, с. 174-175, 186; Алексеев, 1986, с. 69] или уже – третьей четверти V в. до н.э. [Билимович, 1970, с. 132; 1982, с. 84; Анфимов, 1987, с. 94; Уильямс, Огден, 1995, с. 128; Анохин, 1999, с. 52; Виноградов, 2001, с. 86; Горончаровский, 2011а; 2011б, с. 122].

Погребение из Архангельской Слободы в целом датируют концом V в. [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 161] или рубежом V-IV вв. до н.э. [Лесков, 1974, с. 107; Артамонов, 1974, с. 74; Манцевич, 1987, с. 71, 97; Колтухов, Сенаторов, 2015, с. 116]. При этом А.П. Манцевич отметила идентичность головок львов, служивших наконечниками массивных гривен из курганов Солоха (боковая гробница), Куль-Оба (первичное погребение) и № 5 у с. Архангельская Слобода [Манцевич, 1987, с. 57]. Дата же боковой гробницы Солохи определяется в настоящее время в пределах рубежа V-IV вв. до н. э. – первыми десятилетиями IV в. до н. э. [Манцевич, 1987, с. 121; Монахов, 1999, с. 243; Алексеев, 2003, с. 260-261; 2016, с. 210; Бидзиля, Полин, 2010, с. 515].

Датировка кургана Куль-Оба более сложная, поскольку в настоящее время большинство исследователей склонны разделять находки, происходящие из «раскопок» основного склепа в 1830 г. и последующих грабежей, на два разновременных комплекса [Алексеев, 1992, с. 148, 152; 2003, с. 262; 2016; Виноградов, 2001, с. 80; Журавлёв, Новикова, Шемаханская, 2014, с. 14; др.]. К раннему комплексу Куль-Обы относят находки, обнаруженные грабителями под плитами пола уступчатого склепа, «раскопанного» П. Дюбрюксом. Скорее всего, они относятся к погребению, совершенному в могильной яме³. Наиболее известной среди этих находок является золотая бляха в виде фигуры лежащего оленя. Оттуда же, вероятно, происходят и наконечники гривны с головками львов, что синхронизирует первичное погребение Куль-Обы с впуск-

---

³ Согласно более ранней точке зрения, это был тайник, а все находки представляют собой единовременный комплекс [Артамонов, 1966, с. 62; Брашинский, 1965, с. 102-104; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 212].

ной гробницей Солохи [Алексеев, 2003, с. 262; 2016]. 12 же пластинок с изображением юноши были найдены во время «раскопок» и вместе с другими находками в склепе были отправлены в Санкт-Петербург [Дюбрюкс, 2010а, с. 211]. Остальные подобные пластинки, попавшие затем в различные коллекции, были найдены грабителями, как о том написал И.А. Стемповский в письме к Е.Е. Кёлеру от 6 февраля 1831 г.: «Эти последующие искатели, рискуя погибнуть (ибо случились раненые из-за падения свода), добрали золото, пропуская землю сквозь решето; мне доподлинно известно, что они обнаружили много тех мелких золотых вещиц малой значимости, поскольку они повторялись до бесконечности» [Дюбрюкс, 2010а, с. 213]. Находки в склепе довольно разновременные, однако «ядро вещевого комплекса ... не выходит за рамки середины – второй половины IV в. до н.э.» [Алексеев, 2003, с. 229]. Высокая дата самого захоронения в склепе определяется присутствием фасосской амфоры с клеймом Аретона (Aretōn) и наконечников стрел с особыми метками, что позволяет отнести его к 330-м гг. до н.э. [Брашинский, 1975, с. 37; Алексеев, 2003, с. 262]. С.В. Полин ссылается на новые находки амфор с клеймами Aretōn в Олинфе, согласно которым они датируются в пределах 350-348 гг. до н.э., что позволяет несколько по-иному рассмотреть и дату крымского комплекса [Мозолевский, Полин, 2005, с. 357; Полин, 2011, с. 252].

Вместе с тем, исследователи отмечали большую архаичность ряда куль-обинских изделий [Копейкина, 1986; Уильямс, Огден, 1995, с. 136-151; см. иное мнение: Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 116; Алексеев, 2003, с. 262]. В частности, Л.В. Копейкина предполагала, что типы пластинок, изготовленных по образцам греческих монет (к ним она относил и пластинки с изображением юноши), возникли ещё в V – начале IV в. до н.э. [Копейкина, 1986, с. 33]. В отношении рассматриваемых пластин данный тезис подтверждается их присутствием в комплексе бокового захоронения кургана № 5 у с. Архангельская Слобода, датированного рубежом V-IV вв. до н.э. Тем более, что появление серии овальных пластин с изображением юноши не может быть значительно оторванным во времени от бытования ажурных пластинок с данным сюжетом, представленных во 2-м Семибратнем кургане. Вне всякого сомнения, данный тип изображения возник на Боспоре и был предложен на пластинках-аппликациях вначале синдским правителям (2-й Семибратний курган, см.: Горончаровский, 2011б, с. 122)), а затем, спустя некоторое время – и скифским (Архангельская Слобода, Куль-Оба).

Характерно, что подобный же путь проделал ещё один тип золотых пластинок, которые принято называть изображением «Афины в львином

шлеме» (варианты: головы Афины в шлеме с головой/маской льва сзади)⁴. Наиболее ранние находки данного типа пластинок, по всей видимости, происходят из кургана № 17 некрополя Нимфея [Артамонов, 1966, с. 94] (рис. 1, 4), комплекс которого датируется серединой – второй половиной V в. до н.э. [Силантьева, 1959, с. 71-78; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 210; Алексеев, 2003, с. 201]. На них представлено довольно сложное по композиции изображение, включающее образы человека, льва, птицы и рыбы (см. о сюжете нимфейской пластины: [Раевский, 1985, с. 227-228, прим. 35]). Пластинки из 2-го Семибратнего кургана приобретают более упрощённый вид, поскольку остаются лишь противопоставленные образы человека и льва [Артамонов, 1966, рис. 42] (рис. 1, 5), которые в дальнейшем приобретают довольно чётко выраженный тип изображений, обозначаемый как «Афина в львином шлеме»⁵. Известны они по находкам в том же кургане Куль-Оба, а также в курганах Чертомлык (Центральная гробница), Огуз (находки 1894, 1902 гг.), Чмырёва Могила (Боковая гробница), Мелитопольском (Боковая гробница) и № 29 у с. Вильна Украина группы Красноперекопских курганов [Онайко, 1970, с. 47; Лесков, 1974, с. 78, 87; Копейкина, 1986, с. 31-32, 59-60, кат. 30; Алексеев, 1986, с. 69; Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 87; Фиалко, 2003, с. 130; Бабенко, 2015, рис. 2; 3, 3] (рис. 1, 6).

Аналогичная ситуация произошла и с фантастическим образом крылатого кабана. Изображение его протомы также впервые появляется на золотых пластинках из 2-го Семибратнего кургана [Силантьева, 1959, рис. 38, 13; Артамонов, 1966, рис. 49] (рис. 1, 2), а затем, почти аналогичные, они воспроизведены на пластинках из Куль-Обы (в собрании Государственного Эрмитажа [Копейкина, 1986, с. 58, кат. 28] и Ashmolean Museum в университете Оксфорда [Vickers, 2002, p. 54-55, pl. 21]) (рис. 2, 3). Возможно, в данном случае общим прообразом служили архаичные монеты Кизика или Самоса, на которых можно видеть точно такое же изображение протомы крылатого кабана [Копейкина, 1986, с. 58]. Однако в курганах Чертомлык и Толстая Могила найдены длинные ажурные пластины, украшавшие женские головные уборы, где воспроизведены уже полные фигуры крылатых кабанов, включённые в

---

⁴ Об ошибочности подобной атрибуции изображений на данном типе пластинок см.: [Раевский, 1985, с. 227, прим. 35].

⁵ По мнению Л.Ф. Силантьевой, «эти бляшки своим сюжетом связаны с какими-то неизвестными нам местными представлениями. Но вскоре смысловое содержание данного образа утрачивается, и с проникновением античной мифологии голова принимает образ Афины, головной убор превращается в шлем с гребнем, а завиток на нём – в воллуты, украшающие височные части шлема» [Силантьева, 1959, с. 75; см. также: Раевский, 1985, с. 228, прим. 35].

контекст традиционного скифского сюжета противостояния животных [Полидович, 2015, с. 116].

Что происходило в течение второй половины V в. до н.э., когда менялись приоритеты в направленности потока изделий из драгоценных металлов сказать сложно. Возможно, это было каким-то образом связано со становлением института «царской» власти в степной Скифии, что маркируется появлением первого грандиозного кургана в Степи – Солохи, сооружённого над его первичным захоронением [Алексеев, 2003, с. 285]. В дальнейшем постулирование особой избранности скифских правителей и их жён выражается в особой пышности одежд, украшенных большим количеством золотых аппликаций. Выросшие потребности приводят к активизации боспорских мастеров, предлагающих своим заказчикам как уже проработанные сюжеты (в частности, изображения юноши, «Афины», крылатого кабана), так и новые, которые с успехом воспринимаются скифской средой, будучи переосмысленными в русле собственной мифологии (см.: [Безсонова, 1975; Раевский, 1980; др.]).

Существует мнение, что пластины с изображением юноши являются заимствованием с античных монет, в частности, они якобы восходят к изображениям младенца Геракла со змеями на монетах Кизика и Беотийского союза [Ростовцев, 1925, с. 449; Rostowzew, 1931, S. 397; Раевский 1985, с. 164] или иных сюжетов [Онайко, 1970, с. 47; Русяева, 2002, с. 181; Русяева, 2007, с. 303; Грѣбкова, 2009, с. 108-109; 2011, с. 126-128; Журавлѣв, Новикова, Шемаханская, 2014, с. 66, 71]. При такой постановке вопроса речь идёт о трансформации образа и его иконографии. Вместе с тем, схема «колелопреклонѣнного бега» была довольно распространѣнной в античном искусстве и встречается, в том числе, и на геммах (на что также обращалось внимание: [Журавлѣв, Новикова, Шемаханская, 2014, с. 71]), изображения на которых по многим деталям более соответствуют иконографии пластин-аппликаций. К тому же, следует учесть, что изначальный вариант – ажурные пластинки из 2-го Семибратнего кургана – значительно отличаются от стандартов пластин-аппликаций монетного типа, характерных для IV в. до н.э. Исходя из этого, сопоставление изображений, на наш взгляд, уместно проводить не столько в плане поиска прототипов, сколько в плане осведомления некоего круга сюжетов и иконографических схем, к которым восходили изображения и на пластинах, и на монетах, и на геммах.

Иконография изображения, несомненно, является античной. Схема «колелопреклонѣнного бега» довольно часто использовалась для изображения самых различных мифологических и эпических персонажей и была достаточно популярной в архаическом и раннеклассическом искусстве [Таруашвили, 2004, с. 148-149]. Само условное название

схемы уже подразумевает, что в данном случае воспроизведено некое действие, переданное символично. В такой позе изображали горгону Медузу [Неверов, 1983, рис. 2, 11], Силена, похищающего менаду [Античные инталии, 1976, кат. 10], юношу, играющего с петухом [Античные инталии, 1976, кат. 32], пляшущих менад и сатиров [Горбунова, 1983, кат. 36], воинов в битве или ином противостоянии [Горбунова, 1983, кат. 4, 17, 19, 20, 23, 27, 28, 32, 41, 49 и др.], различных бегущих персонажей [Горбунова, 1983, кат. 56, 57] и т.д. Можно в целом сказать, что таким образом выражалось не конкретное действие, а некое состояние, смысл которого был понятен исходя из конкретного мифологического контекста и, возможно, каких-то дополнительных признаков (жеста рук, атрибутов и т.п.)⁶. Тем более, что со второй половины VI – V вв. до н.э. уже обычными становятся изображения, выражающие конкретное действие, используя в каждом конкретном случае свой набор иконографических приёмов: присевшие купальщицы [Античные инталии, 1976, кат. 23, 33-36] и воины [Античные инталии, 1976, кат. 45], танцующие менады [Горбунова, 1983, кат. 72], бегущие мужчины [Горбунова, 1983, кат. 6, 95] и др.

На пластинах из скифских комплексов воспроизведены изображения двух вариантов. При аналогичности общей схемы, в одном случае, в руках юноши находятся некие предметы (2-й Семибратний курган, частично Куль-Оба, Архангельская Слобода, ОАМ) (рис. 1, 1; 2, 1-5, 9), во втором – руки у него свободны, а пальцы растопырены (частично, Куль-Оба) (рис. 2, 6-8). Атрибуция предметов, которые находятся в руках юноши, вызвала целую дискуссию, поскольку каждый исследователь видел в них что-то своё: «что-то неясное – мне кажется рыба, а может быть две раковины» [Сабатье, 1851, с. 122]; «по всей видимости, фрукты» [Marshall, 1911, р. 237], «два овальных предмета» [Ростовцев, 1925, с. 448-449], «с плодами (?)» [Онайко, 1970, с. 47], «какие-то предметы» [Копейкина, 1986, с. 53], плоды, яблоки [Русяева, 2007, с. 303]; «предметы, по своей форме напоминающие яблоки» [Грибкова, 2011, с. 126-127], «неясные предметы округлой или слегка вытянутой формы (камни? плоды?)» [Журавлёв, Новикова, Шемаханская, 2014, с. 66]. Однако следует признать, что однозначного определения предметам мы дать не можем, для этого нужны некие аналоги с другими изображениями или соответствия с мифологическими текстами, которые пока обнаружить не удалось. Хотя, не исключено, что определение атрибутов

---

⁶ См., например: «Характерная для многих фигур архаического времени поза «коленипреломленного бега» в сочетании с крыльями, по-видимому, передает полет Горгоны» [Скржинская, 2011, с. 47].

могло бы стать ключевым для понимания воспроизведённого образа. В то же время, то, что на части куль-обинских бляшек руки юноши свободны, свидетельствует, всё же, о не столь важной значимости данных атрибутов. Вероятно, ключевым при определении персонажа было именно его состояние. И в этом отношении, вне всякого сомнения, можно утверждать, что здесь изображён бегущий юноша. Косвенным подтверждением тому является воспроизведение волос юноши, «разметавшихся от быстрого бега» [Русяева, 2002, с. 181].

Кто же изображён в образе бегущего юноши? По нашему мнению, вряд ли это Геракл. Данная атрибуция, судя по всему, закрепилась в литературе под влиянием М.И. Ростовцева, который возводил изображение на бляшках к изображениям на монетах младенца Геракла, удушающего змей [Ростовцев, 1925, с. 448-449]. Произвольность такого сопоставления со временем стала довольно очевидной. Уже Н.А. Онайко отметила, что «точного монетного прототипа этому мотиву нет», а из «близких ему» привела изображения «присевшего Геракла, пробующего стрелу, переданного в эмблемах синдских монет» [Онайко, 1970, с. 47]. Эта точка зрения не нашла поддержки у исследователей, вместе с тем, появилась новая ассоциация с Гераклом, держащим яблоки Гесперид, с отсылкой к одиннадцатому подвигу героя [Русяева, 2002, с. 181; Русяева, 2007, с. 303]. Однако произвольность данного сопоставления также весьма очевидна. Ведь античные изображения Геракла, попавшие в местную среду и воспринятую скифами, всегда характеризовали его как воина-героя. Это либо сцены борьбы героя с чудовищами (Немейским львом или Цербером), либо изображения его с главными воинскими атрибутами – палицей и/или шкурой льва⁷ (Русяева, 2002; Русяева, 2007; Грѣбкова, 2011). Одиннадцатый подвиг Геракла также связан с серией битв и героических свершений (Псевдо-Аполлодор Мифологическая библиотека, II 5, 11), в том числе, по версии Аполлония Родосского (Аргонавтика, IV, 1396), с убийством дракона, охранявшего яблоню. А изображение Геракла, бегущего (= убегающего) с яблоками Гесперид, совсем не вписывается в общий героический контекст. Тем более, что изображения Геракла с тремя яблоками Гесперид (залогом счастья во всём мире) действительно были популярны в античном мире. Так, вероятно, к IV в. до н.э. относится статуя отдыхающего Геракла

---

⁷ Существует мнение, что данными атрибутами снабдил Геракла поэт VII в. до н.э. Писандр Родосский [Боура, 2002, с. 751], тем не менее, к IV в. до н.э. новый героический образ воплощался в самых различных вариантах в вазописи, скульптуре, торевтике и т.д.

с палицей в одной руке и яблоками в другой, римская копия которой хранится в Государственном Эрмитаже [Рождение, 2004, с. 42, 43, кат. 41]. Этот иконографический образ был столь популярным в римское время, что даже воспроизводился на монетах императоров Гордиана III и Констанция I Хлора, доживая до конца III в.

Судя по иконографии, основными чертами воплощенного на пластинках образа являются юность, атлетическая гармоничность, способность к быстрому движению/бегу. Кто, какое божество могло быть воплощено в этом образе и как его воспринимали в скифской среде?

Если исходить из того, что исходное изображение, скорее всего, было предложено мастером-греком, хорошо знакомого с античной художественной традицией, то и соответствие воплощенному образу (каковым он мыслился мастером), следует искать, прежде всего, в античной мифологии. Иконографических соответствий изображениям на пластинах, как уже отмечалось, не известно. Однако если принять бег как главную характеристику, то, на наш взгляд, его можно соотносить с разными мифологическими персонажами и, в первую очередь, с образом Аполлона Бегуна (др.-греч., Δρομῖνος или Δρομιαεὺς), которому поклонялись критяне, македоняне, жители Лаконии и, не исключено, жители других регионов Греции (Plut. Quaes. Conv. VII, 4, 4; коммент. 768). В честь Аполлона были основаны и регулярно проводились знаменитые Пифийские игры в Дельфах, значение которых было не меньшим, чем Олимпийских. В Греции этого бога почитали и как того, кто сам любит состязаться, и как того, кто покровительствует состязающимся (Plut. Quaes. Conv. VII, 4, 4).

Можно также учесть символичность схемы изображения, которая подразумевает и символичность образа бегуна. Обращает на себя внимание своеобразное расположение рук и ног юноши, которое соотносится со схемой свастики. Этот символ был очень хорошо знаком и грекам, и скифам, самым очевидным свидетельством чего является находка золотой квадратной пластины с изображением свастики в комплексе Куль-Обы [Копейкина, 1986, рис. 63, 155; кат. 39; Дюбрюкс, 2010б, рис. 310]. В античной Греции свастика довольно часто изображалась в орнаментах архитектурных и скульптурных фризов, на сосудах, монетах, одежде. По всей видимости, она не была символом какого-то конкретного божества. Но в данном случае речь идёт не столько о свастике, сколько о символичности позы, соединившей в себе и солярную семантику знака, и идею быстрого движения, что полностью соответствует Аполлону в его солнечной ипостаси.

В скифских комплексах известны предметы, украшенные композициями из составленных голов животных, прежде всего, лошадей⁸, которые еще М.И. Ростовцев сравнил со свастикой [Ростовцев, 1925, с. 141]. В таких композициях исследователи также видят воплощение идеи движения, соотносимой, по мнению Е.Е. Кузьминой (поддержанного С.С. Бессоновой) с образом Митры у саков, которому у скифов соответствовал Гойтосир [Кузьмина, 1977, с. 100; Кубышев, Бессонова, Ковалёв, 2009, с. 81]. Геродот, говоря о скифских богах, соотнёс Гойтосира с Аполлоном (Herod. IV, 59). Это один из наименее понятных образов скифского пантеона. Этимология имени Гойтосира неясна (см. обзор мнений: [Бессонова, 1983, с. 43]). Ряд исследователей сопоставляли его с авестийскими терминами (gaetosura – «добром / крупным скотом богатый»; gaosura – «богатый коровами») [Vasmer, 1923, S. 13], являвшимися эпитетами Митры. По версии, предложенной С.В. Кулландой, его имя переводится как 'Принадлежащий] к утреннему роду', что «вполне соответствует образу двойника греческого бога света» [Кулланда, 2016, с. 59-60]. С Аполлоном ещё в древности сопоставляли и иранского Митру⁹, о чём, в частности, свидетельствует имя «Аполлон-Митра-Гелиос-Гермес», начертанное на статуе времён Антиоха Коммагенского [Тревер, 1953, с. 88]. Солнечная природа данных божеств (Аполлона, Гойтосира, Митры), соотношение их культа с солярным подчёркивалась многими исследователями (см.: [Бессонова, 1983, с. 43]).

Второй персонаж, чьё имя в античной традиции неразрывно связано с бегом – Ахилл, который в «Илиаде» неоднократно назван быстроногим. Свои способности он проявил ещё в детстве, поскольку был столь быстроногим, что догонял оленей без помощи собак. Это качество привил Ахиллу его воспитатель кентавр Хирон, который кормил ребёнка мёдом и мозгами дичи, чтобы тот стал хорошим бегуном [Грейвс, 2005, с. 837 (160, i)]. Как бегун Ахилл прославился, прежде всего, своей погоней за Гектором, который пытаясь обессилить своего противника, трижды оббежал вокруг городской стены Трои [Грейвс, 2005, с. 870 (163, m)]. Проявил он свои способности и во время преследования Ифигении,

---

⁸ Например, из курганов Огуз и Краснокутский [Мелюкова, 1981, рис. 19, 4-7; Фиалко, 1995; Кубышев, Бессонова, Ковалёв, 2009, с. 79-81; др.].

⁹ Хотя Геродот по непонятной причине соотнёс Митру с Афродитой Уранией (Herod. I, 131). Данное сопоставление, как правило, считается ошибочным (Геродот, якобы, мог смешать культ Митры с культом Анахиты). Однако Д.С. Раевский предположил, что данное сопоставление Геродота, а также соотношение культов Гойтосира, Аргимпасы, Митры и Аполлона, может быть уместным и «требует специального изучения» [Раевский, 1977, с. 185, прим. 29].

перенесённой на берега Северного Причерноморья. С этой историей связано появление географического объекта, названного Ахиллов Дром (бег, ристалище для бега) – Тендровская коса. На этой косе находилось святилище Ахилла и здесь же проводились состязания, устраиваемые Ольвийским государством [Скржинская, 2010, с. 317-318]. Бегущий Ахилл вошёл в известную апорию древнегреческого философа V в. до н.э. Зенона Элейского¹⁰ [Асмус, 1976, с. 53-55; Чанышев, 1999, с. 223-224]. Вместе с тем, в античной иконографии практически не известны изображения именно бегущего Ахилла. Его образ был тесно связан с событиями Троянской войны, что определяло и появление соответствующих изобразительных сюжетов [Химин, 2009].

В тоже время, особенности воплощения иконографического образа позволяют сопоставить его ещё с одним важным персонажем мифологии, в этот раз древнеиранской – Веретрагной. В 14-м Яште Веретрагна последовательно предстаёт в десяти различных воплощениях, в том числе и в виде юноши (пер. И.М. Стеблин-Каменского, цит. по: [Авеста, 1997, с. 344-345; ср.: Вертиенко, 2013, с. 37]):

*Явился Заратуштре
Шестой раз так Вэтрагна
Создание Ахуры:
Прекрасным юным Мужем
Пятнадцати годов¹¹
Красивым, ясноглазым,
Высоким, быстроногим.*

В связи с этим, возможно, не случайным является сочетание в наборе пластин-аппликаций в комплексах 2-го Семибратнего кургана и Куль-Обы изображений бегущего юноши и крылатого (летающего) кабана, в образе которого также предстаёт Веретрагна [Маразов, 2001, с. 375]¹² (пер. И.М. Стеблин-Каменского, цит. по: [Рак, 1998, с. 138]):

*Летит за Митрой следом
Божественный Вертрагна
Рассвирепевшим вепрем
Злым, острыми зубами*

---

¹¹ Ср.: согласно Псевдо-Аполлодору (Мифологическая библиотека Э, III, 16), когда началась Троянская война и ахейцы выступили в поход, корабли вёл Ахилл, которому на тот момент исполнилось 15 лет.

¹² О сопоставлении изображений кабана в скифском искусстве с образом древнеиранского Веретрагна см. подробно: [Вертиенко, 2014]. В то же время, Л.В. Копейкина [1986, с. 32] отнесла изображения крылатого кабана к сюжетам из греческой мифологии, которым пока не удается найти ассоциации в скифской религии и искусстве.

*И острыми клыками
Разящим наповал,
Взбешённым, неподступным,
Сердитым, пёстромордым,
Проворнейшим в полёте.*

Учитывая различные соответствия между древнеиранскими текстами Яштов и скифской иконографией (см., например: [Кузьмина, 1976; Раевский, 1985; Вертиенко, 2014; др.]), можно предполагать, что именно образ божества войны (= Веретрагны) воспринимался местным населением в изображениях бегущего юноши на многочисленных золотых пластинках.

Важным моментом является и то, что рассматриваемые пластины с изображением юноши являлись частью декора церемониальной одежды воинов. Наиболее впечатляющим в этом отношении представляется одеяние погребённого во 2-м Семибратнем кургане ¹³, расшитое различными пластинками, на которых были представлены изображения быка, совы, льва, барана, крылатого сфинкса, крылатого кабана, оленя, горного козла, пантеры, петуха, «Афины», Медузы, Силена/Пана и иных антропоморфных образов [Артамонов, 1966, с. 36, рис. 42-50, табл. 107; 109-112]. Репертуар изображений, представленных на пластинах-аппликациях одежды (куртки) ¹⁴ воина, погребённого в кург. 5 у с. Архангельская Слобода, был в разы меньшим и представлен только шестью типами: это изображения юноши, головы хищной птицы, сцены терзания львом лани/козла, треугольников (двух типов) и крестовидных фигур [Грибкова, 2009, с. 107-109, рис. 3], но в целом их было 485 экз. Какие именно пластины, из найденных в Куль-Обе, украшали мужскую одежду, сказать невозможно, поскольку их местонахождение не было зафиксировано. Также трудно сказать и общее количество пластин, служивших аппликациями одежды погребённых. Только в Государственном Эрмитаже их хранится 828 экз. которые делятся на 25 разных типов [Копейкина, 1986]. Представлены они и в других собраниях в разных странах мира [Журавлёв, Новикова, Шемаханская, 2014, с. 14-27]. Однако, вне всякого сомнения, во всех трёх случаях мы имеем дело с погребениями представителей определённого

---

¹³ В настоящее время Семибратние курганы рассматриваются как усыпальница синдских правителей (см., например: [Горончаровский, 2011б, с. 122]). Однако общий круг образов и характер их воплощения, характерный как для населения Северного Причерноморья, так и Прикубанья, позволяют рассматривать их в едином контексте.

¹⁴ А.М. Лесков предполагал, что пластинами было расшито погребальное покрывало [Лесков, 1974, с. 141; Лесков, 1981, с. 137-140, рис. 25]. Однако мы поддерживаем мнение А.А. Грибковой, основывающееся на полевых наблюдениях Я.И. Болдина, о том, что в данном случае пластины были аппликациями одежды [Грибкова, 2009, с. 107].

высшего слоя скифского общества, одежда которых позволяет соотнести их с так называемыми «золотыми людьми», известными по находкам в восточных регионах Евразийских степей.

Аналогичный «золотой человек» из кургана Иссык, по мнению А.К. Акишева, «был тенью солнечного бога (Митры, Йимы?) на земле», а его костюм «символизирует контаминацию военной и жреческой функций в лице сакского вождя» [Акишев, 1981, с. 59, 62, 64]. Но в то же время, исследователь допускал сопоставление владыки в особом золотом убранстве с особым образом «солярного Веретрагны, который выступает в образе воина и сражается кинжалом, декорированным золотом» [Акишев, 1981, с. 59]. Речь идёт о ещё одном воплощении Веретрагны, описанном в том же 14-м Яште (пер. И.М. Стеблин-Каменского [Авеста, 1997, с. 344-345; ср.: Вертієнко, 2013, с. 39]):

*Явился Заратуштре
Десятый раз Вэтрагна,
Создание Ахуры:
Великолепным Мужем,
Прекрасным, богоданным,
Златой клинок держащим,
Что разукрашен весь, –
Явился так Вэтрагна.*

В данном случае речь идёт всё же не о золотых одеждах, а только о кинжале, украшенном золотом (см. подробнее: [Вертієнко, 2013]). Находки подобных предметов вооружения также известны в элитных воинских погребениях скифского времени в различных частях Евразийской степи.

Таким образом, изображения бегущих юношей на золотых пластинках, известные по находкам в курганах 2-м Семибратнем, № 5 у с. Архангельская Слобода и Куль-Оба, – появились в середине – второй половине V в. до н.э. и затем продолжали какое-то время бытовать в первой половине IV в. до н.э. Их появление было связано с новыми тенденциями в оформлении атрибутики владык местных народов Северного Причерноморья, в частности, одежды, декорированной многочисленными золотыми аппликациями. Трудно сказать подразумевался ли в образе юноши какой-то конкретный античный мифологический персонаж (как исходный образ) или же мастером была использована стандартная иконографическая схема вне привязки к конкретным образам (например, Аполлону или Ахиллу). Вполне вероятно, что скифами данный образ воспринимался как одно из воплощений Веретрагны (равнозначного скифскому Аресу). Равно как и сам владыка в золотых одеждах воспринимался как земная эманация грозного божества.

Источники и литература

Авеста в русских переводах (1861 – 1996) / Сост., общ. ред., примеч., справ. разд. И.В. Рака. – СПб.: Журнал «Нева» – РХГИ, 1997. – 480 с., карта.

Акишев А.К. Костюм «золотого человека» и проблема катафрактария // Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 54-64.

Алексеев А.Ю. О месте Чертомлыкского кургана в хронологической системе погребений скифской знати IV-III в. до н.э. (по бляшкам-аппликациям и наконечникам стрел) // АСГЭ. – 1984. – Вып. 25. – С. 65-75.

Алексеев А.Ю. Нашивные бляшки из Чертомлыкского кургана // Античная торевтика. – Л.: Искусство, 1986. – С. 64-74, 156-163.

Алексеев А.Ю. Скифская хроника (Скифы в VII-IV вв. до н.э. Историко-археологический очерк). – СПб.: Петербургкомстат, 1992. – 206 с.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII-IV веков до н.э. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – 416 с.

Алексеев А.Ю. Раннее погребение Куль-Обы и скифские гробницы // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. – СПб.: ПАЛАЦЦО, 2016. – С. 206-215.

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. – К.: Наукова думка, 1991. – 416 с.

Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. – К.: Одигитрия, 1999. – 249с.

Античные инталии в собрании Эрмитажа. Альбом / Автор вступ. статьи и сост. О.Я. Неверов. – Л.: Аврора, 1976. – 111 с., 124 ил.

Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. – Краснодар: Краснодар. книж. изд-во, 1987. – 232 с.

Асмус В.Ф. Античная философия. – М.: Высшая школа, 1976. – 543 с.

Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. – Прага; Ленинград: Артия; Искусство, 1966. – 120 с.+табл.

Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.). – Л.: ЛГУ, 1974. – 156 с.

Бабенко Л.И. Золотые нашивные бляшки из кургана Верхний Рогачик: критика источника // РА. – 2015. – № 3. – С. 67-78.

Безсонова С.С. Зображення Афіни за матеріалами Північного Причорномор'я // Археологія. – 1975. – Вип. 17. – С. 23-38.

Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. – К.: Наукова думка, 1983. – 183 с.

Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. – К.: Издательский дом «Скиф», 2012. – 814 с.

Билимович З.А. Два бронзовых таза из Семибратних курганов // СА. – 1970. – № 3. – С. 128-135.

Билимович З.А. Этрусский бронзовый кувшин из IV Семибратнего кургана // *Художественные изделия античных мастеров*. – Л.: Искусство, 1982. – С. 84-85.

Боура С.М. Героическая поэзия / Пер. с англ. и вступ. статья Н.П. Гринцера, И.В. Ершовой. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 808 с.

Брашинский И.Б. Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья // *Eirene: studia Graeca et Latina*. – 1965. – IV. – С. 89-109.

Брашинский И.Б. Фасосская амформа с клеймом из кургана Куль-Оба // *Сообщения Гос. Эрмитажа*. – 1975. – [Вып.] XL. – С. 36-38.

Величко Е.А., Полидович Ю.Б. Золотые находки из «Никопольских курганов» в коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко // *АДИУ*. – 2018. – Вып. 2 (27). – С. 138-154.

Вертиенко А.В. Образ вепря в иранской традиции – нарратив и визуализация // *Stratum plus*. – 2014. – № 3. – С. 271-280.

Вертієнко А.В. Священні втілення Веретрагні в Яшті 14 // *Polyphonia Orientis*. До ювілею В.С. Рибалкіна. – К.: Інститут сходознавства ім. А.Ю. Кримського, 2013. – С. 33-51.

Виноградов Ю.А. Курганы варварской знати V в. до н.э. в районе Боспора Киммерийского (Опыт интерпретации) // *ВДИ*. – 2001. – № 4. – С. 77-87.

Горбунова К.С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Каталог. – Л.: Искусство, 1983. – 224 с.

Горнчаровский В.А. Семибратние курганы: анализ конструкции и инвентаря погребальных сооружений // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур / XII Боспорские чтения*. – Керчь, 2011а. – С. 84-93.

Горнчаровский В.А. Синдика в период возведения Семибратних курганов // *Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира*. – СПб, 2011б. – Вып. 10. – С. 115-140.

Грейвс Р. Мифы Древней Греции / пер. с англ. К. Лукьяненко. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 1008 с.

Грібкова Г.О. Ювелірні вироби з кургану № 5 біля с. Архангельська Слобода // *Епоха раннього заліза*. – Киев; Полтава, 2009. – С. 103-110.

Грібкова Г.О. Образ Геракла на пластинах-аплікаціях з колекції МКУ // *Музейні читання. Матеріали наукової конференції "Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки"*. – К., 2011. – С. 121-129.

Дюбрьюкс П. Собрание сочинений : в 2 т. / пер. с фр. Н.Л. Сухачев, сост. И.В. Тункина. – СПб.: Коло, 2010а. – Т. I : Тексты. – 728 с.

Дюбрьюкс П. Собрание сочинений : в 2 т. / пер. с фр. Н.Л. Сухачев, сост. И.В. Тункина. – СПб.: Коло, 2010б. – Т. II : Иллюстрации. – 312 с.

Журавлёв Д.В., Новикова Е.Ю., Шемаханская М.С. Ювелирные изделия

из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея. – М.: Государственный исторический музей, 2014. – 352 с.

Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – № 16. – 264 с.+L табл.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв. до н.э. – К.: Наукова думка, 1983. – 380 с.

Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. Скифские погребения в курганном могильнике Дорт-Оба // История и археология Крыма. – Симферополь, 2015. – Вып. II. – С. 102-122.

Копейкина Л.В. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // Античная торевтика. – Л.: Искусство, 1986. – С. 28-63, 148-155.

Коровина А.К. К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. – 1957. – № 2. – С. 174-187.

Кубышев А.И., Бессонова С.С., Ковалёв Н.В. Братолюбовский курган. – К., 2009. – 192 с., 16 с. цв. вкл.

Кузьмина Е.Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 52-65.

Кузьмина Е.Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов. // Скифы и сарматы. – К.: Наукова думка, 1977. – С. 96-119.

Кулланда С.В. Скифы: язык и этногенез. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. – 232 с.

Лесков А.М. Новые сокровища курганов Украины. – Л.: Аврора, 1972. – 152 с.

Лесков А.М. Курганы: находки, проблемы. – Л.: Наука, 1981. – 168 с.

Лесков О. Скарби курганів Херсонщини. – К.: Мистецтво, 1974. – 124 с.

Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. – Л.: Искусство, 1987. – 143 с.

Маразов И. Фиалата от Кул-Оба – образът на «другия» в изкуството на скитите // МИФ-7: Αλοθέωσις. На acad. Дмитри Сергеевич Раевски. – София, 2001. – С. 360-423.

Мелюкова А.И. Краснокутский курган. – М.: Наука, 1981. – 112 с.

Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева Могилы). – К.: Стилоз, 2005. – 599 с.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII-II веков до н.э. – Саратов: Саратовский университет, 1999. – 680 с.

Неверов О.Я. Геммы античного мира. – М.: Наука, 1983. – 142 с.

Одесский археологический музей АН УССР. Альбом / Отв. ред. Г.А. Дзис-Райко. – К.: Наукова думка, 1983. – 199 с.

Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV-II вв. до н.э. // САИ. – М.: Наука, 1970. – Вып. Д1-27. – 134 с.

Полидович Ю.Б. Образы фантастических животных в искусстве народов скифского мира // Донецкий археологічний збірник. – Вінниця, 2015. – № 19. – С. 85-142.

Полин С.В. Амфоры и клейма из кургана № 32 у г. Орджоникидзе и некоторые вопросы амфорной хронологии // Античный мир и археология. – Саратов, 2011. – Вып. 15. – С. 240-264.

Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племён. Опыт реконструкции скифской мифологии. – М.: Наука, 1977. – 216 с.

Раевский Д.С. Эллинические боги в Скифии? (К семантической характеристике греко-скифского искусства // ВДИ. – 1980. – № 1. – С. 49-71.

Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. – М.: Наука, 1985. – 256 с.

Рак И.В. Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). – СПб.-М.: Журнал "Нева" – "Летний Сад", 1998. – 560 с.

Рождение Олимпийских игр. Каталог выставки. – М.: Государственный исторический музей, 2004. – 112 с.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. – Л., 1925. – 621 с.

Русяева М.В. Образ Геракла на произведениях торевтики IV в. до н.э. из Северного Причерноморья // Античный мир и археология. – Саратов, 2002. – Вып. 11. – С. 178-182.

Русяева М. Иконографія образу Геракла за пам'ятками торевтики зі скіфських курганів IV ст. до н.е. // Художня культура. Актуальні проблеми. – К.: Фенікс, 2007. – Вип. 4. – С. 296-306.

Сабатье П. Керчь и Боспор: Замечания о керченских древностях и опыт хронологии царства Боспорского. – СПб., 1851. – 147 с.

Силантьева Л.Ф. Некрополь Немфея // Некрополи Боспорских городов (МИА. № 69). – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 5-107.

Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. – СПб.: Алетейя, 2010. – 464 с.

Скржинская М.В. Мифы о героях в античных государствах Северного Причерноморья // Боспорские исследования. – Симферополь, 2011. – Вып. XXV. – С. 19-78.

Таруашвили Л.И. Искусство Древней Греции: Словарь. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 336 с.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. – К.: Наукова думка, 1988. – 264 с.

Тревер К.В. Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н.э. – IV в. н.э.). – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 217 с.

Уильямс Д., Огден Дж. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V-IV вв. до н.э. – СПб.: Славия, 1995. – 272 с.

Фиалко Е.Е. Золотые бляшки из кургана Огуз // РА. – 2003. – № 1. – С. 124-133.

Фиалко Е.Е. Фракийская узда из кургана Огуз // РА. – 1995. – № 1. – С. 133-147.

Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. Древности Приднепровья и побережья Чёрного моря. К., 1907. – Вып. VI. – 44 с., [21] л. ил.

Химин М.Н. Иконография Ахилла и тема предопределенности судьбы героя в древнегреческой вазописи VI-IV вв. до н.э. Автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. – СПб., 2009. – 12 с.

Чанышев А.Н. Философия Древнего мира. – М.: Высшая школа, 1999. – 703 с.

Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII-IV вв. до н.э.). – СПб: Филол. факультет СПбГУ, 2007. – 484 с.

Marshall F.H. Catalogue of the Jewellery, Greek, Etruscan and Roman, in the Departments of Antiquities, British Museum. – London: British Museum, 1911.

Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art. The legacy of the Scythian world: mid-7th to 3rd century B.C. – Leningrad: Aurora, 1987. – 183 p.

Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus. – Berlin, 1931. – XI+651 S.

Vickers M. Scythian and Thracian Antiquities in Oxford. – Oxford: Ashmolean museum, 2002. – 80 p.

Рис. 1.

Пластины из 2-го Семибратнего кургана и аналогии к ним:

- 1, 2, 5 – 2-й Семибратний курган; 3 – курган Куль-Оба;
- 4 – курган № 17 некрополя Нимфея; 6 – Мелитопольский курган (по: [Артамонов, 1966; Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986]; 6 – фото Д.В. Клочко). Масштабы разные.

Рис. 2.

Пластины с изображением юноши: 1-8 – курган Куль-Оба (1, 5 – Гос. Эрмитаж; 2, 7 – ГИМ; 3, 6 – Британский музей; 4 – ОАМ; 5 – МИДУ), 8 – кург. № 5 у с. Архангельская Слобода (по: [Артамонов, 1966; Журавлёв, Новикова, Шемаханская, 2014; Marshall, 1911; Одесский археологический музей, 1983; Грѣбкова, 2011]). Масштабы разные.